

Лиана Делиани

ПАЛАЧ

18+

Лиана Делиани

Палач

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57407221
SelfPub; 2020*

Аннотация

Когда люди сходят с ума, у палача всегда много работы...
История о ведьме и палаче, встретившихся в застенках инквизиции.

Он был Палачом, сыном Палача. Должность со всеми премудростями ремесла передавалась по наследству. Единственная разница – в отличие от отца ему не пришлось отрезать язык, чтобы секреты власти и инквизиции оставались секретами. Он был нем от рождения.

Людей он не любил. Не за что было. В детстве они дразнились и швыряли в него камнями, когда вырос, стали шарахаться со страхом и омерзением. В них было хрупким, ненадежным буквально все: плоть, кости, дух, убеждения. Он знал, как лепить из них то, что было нужно городскому совету или инквизиции. Большого не требовалось ни ему, ни власти, ни людям.

Палачи чаще работают ночью. Днем они нужны только для публичных казней, оставшееся время могут отдыхать. В последнее время дознаний и казней было столько, что спал он урывками.

В подвале, отведенном для допросов инквизиции, многие инструменты пыточного дела стояли постоянно: дыба, воронка, плиты, испанский сапог. Все инструменты он регулярно чистил, точил, если было нужно, иногда забирал чинить.

Проверив орудия пыток, он приступал к осмотру первого ночного клиента.

В этот раз им была молоденькая ведьма, худая, тонкие кости, здоровые суставы. С ведьмами инквизитор любил начинать с дыбы, поэтому он, не дожидаясь приказа, всунул за-

пяться девчонки в ремни.

Дыба не будет для нее таким уж серьёзным испытанием – веса почти нет, тело гибкое. Вот испанский сапог – дело другое, кости сломаются почти сразу. Или воронка, с такими-то легкими, подумал он, услышав, как закашлялась девчонка.

Кашель был влажный, простудный – на дворе стояла глубокая осень. Скорее всего, бродяжка: тело грязное, волосы спутанные, одета в лохмотья, пятки сбиты. От ведьмы исходил привычный запах застенков – пота, грязи и страха.

Попадая сюда, все они боялись, но боялись по-разному. За годы работы он научился различать их страхи. Эта, например, боялась боли, а не смерти. Для него такой страх означал, что долго выбивать признание не придется. Муторнее было с теми, кто цеплялся за жизнь, настаивал на своей невинности, пытался продумывать ответы, будто от этого и в самом деле зависело, выживешь или нет. Результат всегда был один и тот же, только для палача работы на порядок больше.

Едва ее втокнули в двери, она поняла, что это за место, и зачем она здесь. Пахло, как на скотобойне, застарелый, гниlostный запах старой крови смешивался с ржавым запахом свежей. На каменном, покрытом бурыми разводами столе человек в красном колпаке с прорезями для глаз и красной же рубахе неторопливо проверял и раскладывал орудия своего ремесла. Она не могла оторвать глаз от этих блестящих, местами стершихся от частого употребления металлических

устройств. Гадала, для чего предназначен тот или иной инструмент, чем отрезают пальцы, чем вырывают ногти, на что наматывают кишки из вспоротого живота. Не могла оторвать глаз и чувствовала, как ледяными щупальцами страх скручивает желудок, учащает дыхание и сердцебиение, парализует волю.

Палач поднял ее легко, будто она совсем ничего не весила, и вдел ее руки в ремни, висящие на перекладине. Руки оказались вверху, над головой, но, встав на цыпочки, она все еще не отрывалась от пола. И не отрывала взгляд от блестящих в свете факелов орудий.

Ей хотелось, чтобы все это кончилось поскорее. Смерть была избавлением не только от боли и страха, но и от вечно сосущего чувства голода в желудке, от ледяных ног, озноба и болей в пояснице, от кашля и холодных ночей в продуваемых всеми ветрами подворотнях, от бесконечных и зачастую безуспешных попыток раздобыть кусок хлеба.

Сутулясь и потирая руки от холода, вошел инквизитор. Следом за ним послушник нес жаровню, которую поставил у ног монаха, едва тот уселся. Инквизитор кивнул палачу, и она почувствовала, как ремни на запястьях натянулись, а ноги оторвались от пола.

– Как твое имя, ведьма?

Всю жизнь прожила без имени, а тут, надо же, имя понадобилось.

– Мария, – привычно солгала она.

– Креста на тебе нет, – цепким взглядом оглядел ее инквизитор.

– Сорвали... в толпе, – чем дольше она висела, тем тяжелее становилось дышать и говорить.

Крест на ней был, только вот веревка изнасилась. Толпа сорвала его, но кто в это поверит. Сказать по правде, она понятия не имела, крещена ли, крест же смастерила из дерева и повесила на шею, опасаясь именно такого случая. Не помогло.

– Так каково же твое истинное имя, дитя сатаны? – тем временем спросил инквизитор.

– Не знаю, – пальцами она ухватилась за ремни, пытаюсь ослабить давление на грудную клетку, дышать чуть глубже.

Инквизитор кивнул еще раз, и воздух разрезал свист кнута.

– И-и-и, – вырвалось у нее, когда удар болью обжег спину. Нет, бывало, били ее и посильнее, просто не на весу. От удара все тело дернулось вперед, дышать стало еще труднее.

– Так, значит, Илит, – удовлетворенно отметил инквизитор. – Признаешься ли ты, ведьма, что вместе с демоном по имени Илит, находившимся в то время в теле животной твари, пыталась навести порчу на этого добропорядочного торговца.

«Добропорядочный торговец» неуютно сгорбившись, подобострастно кивал, подтверждая слова инквизитора.

– Она смотрела на меня и водила рукой над этой тварью, бормоча заклинания.

Ей вспомнилось маленькое, мягкое тельце котенка, которое стражник пикой рассек пополам под крики толпы. Он не был черным, у него еще не успели открыться глаза. Она пожалела его, такого же бездомного и никому не нужного. Теперь он мертв, а ей, если она хочет, чтобы пытка закончилась побыстрее, нужно признаваться.

– Признаюсь... – выдохнула она.

Однако, инквизитор не был любителем слишком легких признаний.

– Выше, – велел он палачу.

Дыхание перехватило, на миг ей почудилось, что она взлетает под самый потолок.

– Признаешься ли ты ведьма, в том, что вызвала вышеназванного демона из преисподней?

– Признаюсь...

– Признаешься ли ты, ведьма, что сожительствовала с демоном?

– Да.

– Не слышу? – прищурил глаза инквизитор на ее попытку сократить количество выдохов, необходимое для ответа.

– Признаюсь.

– Что ж, ведьма, во имя спасения твоей бессмертной души, ты, милостью святой инквизиции, приговариваешься к аутодафе...

Инквизитор нараспев, речитативом бормотал еще что-то, но ее затопило облегчение. Все, конец. Уже почти все.

Пальцы ног коснулись холодных и скользких плит пола, палач неуловимыми, отточенными жестами вынул ее запястья из ременных петель, одну за другой опустил руки в естественное положение. Она думала, будет кричать от боли, но боли почти не было. Боли вообще было меньше, чем она ожидала.

Молоденькая ведьма ему запомнилась. Он понял это днем, когда поел, отоспался, перебрал нужные на ночь инструменты. Сжечь ее должны были завтра, поэтому склянку он взял с собой на случай, если не успеет забежать домой с ночной смены. Снадобье из склянки он давал приговоренным, чтобы они ничего не чувствовали. Давал потому, что родственники за это платили, и очень редко потому, что испытывал жалость.

Ведьму он пожалел. Вчера у нее не осталось ни вывихов, ни рассеченной кнутом кожи. Почему он смягчил для нее пытку, он и сам затруднился бы ответить. Она не была красавицей, не была богачкой, он никогда не знал ее раньше.

Уже после первых петухов, освобождая место для очередного допрашиваемого, он вновь увидел ту самую молоденькую ведьму. Этого не должно было быть, приговоренных повторно не допрашивали, за исключением особых случаев, но

она стояла у двери со связанными руками.

– Воронку, – приказал инквизитор.

Положив ее на стол, он развязал ведьме руки, вдел их в специальные крепления, мимоходом ненавязчиво прощупав удары сердца и температуру тела. Что-то в ней изменилось, и он искал суть и причину этих изменений.

За разорванной тканью увидел свежие синяки на груди, животе и бедрах. Вчера, когда она покидала пыточную, их не было, значит, это стража позабавилась уже после. На внутренней стороне бедра виднелись следы подсохшей крови. Маловероятно, но... неужели, она была девственницей?

После прошлой ночи, ей было все равно. Тело, и так доставлявшее больше неприятностей, чем радости, познало настоящую боль. Она уже умерла внутри себя, а что будет с брэнной оболочкой, сколько еще ее будут мучить, не то, чтобы не важно... но уже не имеет решающего значения.

Палач придвинул к ее лицу воронку. Что будут заливать ей в горло – гнилую воду или расплавленный свинец? Тело против воли дернулось, ужаснувшись, она плотно сомкнула веки и зубы и отвернулась. Палач обхватил ее голову руками и повернул обратно, придавая нужное ему положение. Одна рука осторожно приподняла затылок и подсунула под него что-то твердое, обмотанное тканью.

Он не причинял ей боли больше, чем это было необходимо. Будь ее жизнь другой, она, возможно, не почувствовала

бы разницы, но ее с раннего детства били и пинали все, кому не лень, и она научилась различать оттенки боли. Эта сумасшедшая догадка мелькнула у нее еще вчера, когда из пыточной ее вели в затхлую сырость камеры. Мелькнула и исчезла, как только страж вернулся с факелом, веревкой и парой товарищей. И вот теперь под мягкими, почти осторожными прикосновениями, догадка вернулась. Руки палача убаюкивали, заставляя покориться судьбе.

Она открыла глаза и увидела красную маску, склонившуюся над ней. Взгляд притянуло к овальным отверстиям, вырезанным для глаз. Он тоже смотрел на нее, и в этом взгляде она прочитала «не бойся». Большим пальцем левой руки он надавил на подбородок, побуждая ее открыть рот, впустить узкий край воронки.

Завороженная его взглядом, она не сопротивлялась. Зубы с неприятным звуком столкновения пропустили железо, и мгновением позже на язык упала первая капля. Палач чуть заметно одобрительно кивнул. Тонкой струйкой в рот потекла какая-то жидкость с неприятным травянистым привкусом.

Она поняла. Догадалась. Жаль только поблагодарить его не могла – говорить ей больше уже не придется. Но она могла смотреть и смотрела, стараясь передать свою благодарность и облегчение. Обратила внимание, какие у него странные глаза – темные зрачки и очень светлая, почти бесцветная радужка, окруженная темным, четким ободком. Глядя в них,

она не боялась. Не умирала в муках и одиночестве, как ей всегда снилось в кошмарах.

– Ведьма, признаешься ли ты, что навела порчу на епископа, скончавшегося нынче утром?

Она все смотрела, надеясь, что он прочел «спасибо» в ее глазах.

Дыхание замедлилось, сердце пропустило удар, отяжелевшие веки опустились.

– Ведьма, я повторяю, признаешься ли ты...

Она еще успела почувствовать прикосновение пальцев к шее.

Он прижал пальцы к жиле на шее, проверяя бьется ли сердце. Сердце не билось. Шагнув вперед, он привлек внимание инквизитора и покачал головой. Тот прервался на полуслове и махнул рукой лекарю.

Ученый врачеватель в мантии, обычно подремывающий в углу и призываемый в самых крайних случаях, когда пытаемый ускользал в мир иной, не успев раскрыть всех своих тайн, поднялся и подошел к пыточному столу. Он тоже прошупал удары сердца, склонился над телом.

– Убери это, – приказал лекарь.

Палач послушно убрал воронку, осторожно вынув край изо рта неподвижно лежащей женщины.

Лекарь прислушался к ее дыханию, брезгливо положил руку на грудь.

– Morbus cordis, – наконец констатировал он на латыни причину смерти, которую в народе называли «заячье сердце».

– Запиши, – велел инквизитор послушнику, – ведьма созналась, что ее истинной целью было навести порчу не на торговца Тома, а на епископа, который проезжал в этот момент по улице.

Инквизитор периодически позволял себе подобные приписки. Насколько он успел заметить, делал монах это, когда требовалось прикрыть собственные грязные делишки и провинности. Но, что бы там не произошло с епископом, и кто бы ни был в этом замешан, инквизитор предъявлял свои обвинения уже мертвой ведьме.

– Сжечь завтра с прочими, – добавил инквизитор, обращаясь непосредственно к палачу.

Кроме ведьмы у него в эту ночь образовалось еще два трупа. Все тела надлежало сжечь утром на общем аутодафе. Поэтому он торопился.

Трупы он обычно забирал с собой, чтобы облачить их в саваны. Монахи потом, уже на костре, поверх саванов намазывали кресты и писали смолой слова покаяния.

Его непредвиденное великодушие оборачивалось проблемой для него самого. Буквально за пару часов ему предстояло найти тело. В противном случае его глупость окажется еще и напрасной.

Он заехал на телеге во двор, сгрузил трупы, двоих оставил лежать во дворе, тело ведьмы отнес в дом. Закутал в одеяло, приподнял голову, проследил за положением рук и ног, чтобы не упали с постели и не сильно затекли.

Уходя, он запер ворота. Дома палача боялись, обходя десятой дорогой, но были и те, кто униженно толпился под стенами. Из корысти или из безысходности.

Ему повезло – подходящее тело нашлось в лепрозории. Там умирали едва ли не чаще, чем в тюрьме. Женщину ему отдали сразу в саване, он лишь притрусил его соломой, сложив на телегу.

Светало, поэтому лошадь он подхлестнул. Дома у забора его уже ждали две едва различимые тени. Родственники, определил он по сгорбленным горем спинам.

Он слез с телеги и отпирал ворота, когда мужчина шагнул вперед, протягивая кошель и называя имя. Деньги он взял – понадобятся.

Женщина подошла следом, протягивая свое подношение. В этом кошельке было больше веса, а значит, собирали его монета к монете, из меди. Тихим, выплаканным голосом она назвала имя. Поздно. Ее сын уже лежал во дворе, за стеной. Больше для него ничего нельзя было сделать.

Взяв лошадь под уздцы, он загнал телегу во двор. Покачал головой и закрыл ворота. Говорить он не мог, а если бы даже и мог, то едва ли стал.

Он поставил воду греться и занялся саванами. Наспех, крупными стежками зашил три одинаковых, на женщине один поверх другого. Сгрузил тела обратно в телегу, вымыл руки. Теперь предстояло главное.

Вода согрелась и, осторожно, он опустил в нее тело. Раствор конечности, восстанавливая кровоток. Вынул из воды и, положив на пол, ударил по сердцу, вынуждая снова забиться. Он не хотел прибегать к еще одному снадобью, опасаясь последствий.

Прислушался, выждал и снова ударил. Уловил выдох и первый слабый стук сердца. Получилось.

Снова погрузил тело в теплую воду. Несколько раз окунул ее с головой, вымывая грязь и кровь из волос. Чуть не улыбнулся, услышав, как она закашлялась. Бережно обернул мокрое тело чистой тканью. Она была очень худая и вся в синяках. Вытирая, он с легкостью пересчитал ей ребра.

Тело безвольно клонилось в его руках. Еще одним полотном он торопливо промокнул ей волосы, натянул рубашку, завернул в одеяло и положил на кровать.

Ему нужно было уже не просто спешить, бежать.

В своей работе больше всего он ненавидел аутодафе. Именно из-за этого никогда не ел жареное мясо. Вонь горелых волос и плоти въедалась намертво в ткань красного капюшона, отравляя вдыхаемый воздух, так, что головной убор хотелось сорвать прямо на людях.

Монахи ничего не заметили, мертвые грешники интересовали их куда меньше сжигаемых заживо. Молоденькая ведьма перестала существовать.

Потом, пока он собирал в мешки пепел и обуглившиеся кости, вокруг сновали падальщики. Те, кто по-настоящему занимался некромантией, те, кто верил в обережную или целительную силу сожженных костей грешников, те, кто занимался перепродажей подобных «сувениров». Ему было не до них. Он не спал почти сутки, а перед тем, как выйти в ночную смену, ему предстояло еще одно дело.

Она проснулась в тепле, на мягкой постели. Такого с ней еще ни разу не случалось, и она наслаждалась ощущениями, смутно припоминая, как крепкие, умелые руки купали ее, а потом завернули в чистую целую ткань. Холст был новый, он слегка царапал кожу, когда те же руки осторожно вытирали тело, стараясь не задеть синяки и ссадины, промокали длинные спутанные волосы.

Нега и сон постепенно отступали, давая дорогу памяти. Припомнив события последних дней, она дернулась и подскочила на постели. Нет, ей не привиделось, и она не умерла. Хотя была она не в раю, как ей подумалось вначале, на тюрьму, какой она ее запомнила, это тоже было мало похоже.

Чистая комната с лишь недавно потухшим очагом, простой и добротной мебелью. У очага, подтверждая ее воспоминания, стояла лохань с остывшей и грязной водой. Над

очагом сушилась пара сырых холстов.

Она попыталась встать, но голова закружилась, а ноги предательски задрожали, заставив опуститься обратно на постель. Взглянув на себя, вниз, она увидела, что одета в красную рубаху, большую и явно ношенную, судя по тому, как мягко ткань прилегала к телу.

Войдя в комнату, он осторожно прикрыл дверь. Сейчас бы помыться, переодеться, но на это не было времени.

Девчонка лежала на постели, там, где он ее оставил. Он осторожно прикоснулся пальцами к жиле на шее и сразу понял, что она не спит. Глаза открылись и посмотрели на него. Страх в них не было. Уже хорошо.

Она вынырнула из дремоты сразу, услышав, как хлопнула входная дверь внизу. Под шаги и скрип лестницы, снова закрыла глаза, притворяясь спящей, пока ее шеи не коснулись знакомые пальцы. В ноздри ударил запах горелого мяса и волос, но она все равно открыла глаза.

Она знала, кого увидит. Догадалась по рубахе, а теперь еще и по глазам, очень светлым с темным четким ободком вокруг радужки. Без маски у него было обычное, грубое лицо. Необычными были глаза и прическа, а точнее, ее отсутствие – голова была выбрита наголо.

Убрав руку с ее шеи, он сел на край постели. Сидел и молчал, явно думая о чем-то.

– Зачем ты сделал это? – спросила она.

А вот теперь он столкнулся с проблемой, которую не знал, как разрешить. Он не мог говорить и был уверен, что она не умеет читать.

Минуту он размышлял, пытаясь придумать, как поступить, потом, не обратив внимания на ее вопрос, встал и вытащил из тайника в стене несколько предметов.

Она удивленно наблюдала, как он откуда-то достает маленькую темную доску и кусок мела. Оба предмета он сначала протянул ей, но она отрицательно покачала головой. Тогда он снова сел на кровать и принялся быстрыми движениями рисовать и стирать рукавом картинки.

Пыточная, девушка. Она же, лежащая на телеге. Она, уже в доме, на постели. Просыпается. Снова телега, он и девушка, городские стены вдалеке. Холмы, на одном из холмов хижина. Девушка рядом, одна. И стрелками множество путей: в хижину и во все стороны света.

Он, что, с ума сошел, опять бродяжничать?!

Она поняла, увидел он по глазам. Не теряя времени, сунул ей в руки раздобытое платье и заготовленный кошелек.

Кошель, который он протянул ей, тяжело звякнул. Это деньги ей на дорогу, догадалась она по глазам. Поняла и дру-

гое.

– Ты немой, да? – спросила она.

Он кивнул, и тут девчонка неожиданно протянула руку, коснувшись его губ. Палач ошеломленно замер. Легко, прерывисто, кончиками пальцев она прикасалась, словно изучала, сострадала, пыталась исцелить. Никакая она не ведьма, это он точно знал, но все равно еще несколько мгновений не мог пошевелиться, разорвать странное, почти магическое оцепенение. Она погладила его по щеке, на девичьей переносице образовалась тонкая морщинка.

Тут он, наконец, снова вдохнул воздух и пошевелился. Нужно торопиться, о чем она только думает.

Немой, да. Ну конечно, все палачи немые. Им вырывают языки, чтоб не болтали. Калечат на всю жизнь, причиняя адскую боль, побуждая нести ее дальше, передавать другим людям. Непроизвольно, она потянулась к его губам, как тогда к слепому котенку, легкими касаниями стремясь утишить, прогнать чужую боль. Нелепая привычка, едва не стоившая ей жизни. В этот раз она хотя бы удержалась от слов, стесняясь говорить рядом с его немотой.

Она видела, как напряженно он застыл, следя за ней заворуженным, неверящим взглядом. «А вот сердце не вырвали», – подумалось ей, пока пальцы ласково гладили колючую щеку. Пусть он был палачом, пусть делал с людьми ужасные

вещи, но в ее жизни было так мало тепла и заботы, а хорошие, благородные люди слишком часто проходили мимо, пинали бездомную дворняжку. Палач спас ее, дал ей денег и сейчас собирался отвезти в безопасное место – удача слишком невероятная, чтобы в ней сомневаться. Только вот она предпочла бы остаться здесь, с ним, подумалось с сожалением. Если уж в его присутствии она не побоялась умирать, жить с ним и вовсе было бы не страшно.

Он встал и взглядом призвал ее поторопиться. Она быстро оделась, перед этим, оторвав от висевшего у очага холста полосу, обмотала ей грудь и засунула в ложбинку кошель, спрятав монеты понадежнее. От усилий на лбу выступила испарина, слабость отозвалась подгибающимися коленками. Звать на помощь спустившегося во двор палача, она не стала, по лестнице спустилась сама, рукой и боком налегая на перила.

В телеге он замаскировал ее, укрыв мешковиной. Вокруг лежали какие-то мешки, но задумываться, что в них, ей не хотелось. От запаха крови и мертвечины, пропитавшего телегу, ее подташнивало. А может, тошнило от голода, она ведь отчетливо помнила, когда ела в последний раз – два дня назад, зубами и ногтями отвоевав кусок объедков у таких же попрошайек.

За городскими стенами лошадь пошла шибче, подгоняемая щелчками поводаев. Тяжесть мешков то наваливалась, то отступала по мере того, как телега преодолевала холмы

и спускалась в ложбины между ними. Наконец, поводья натянулись, колеса закрипели, останавливаясь, и она поняла, что цель их пути достигнута.

Этот дом на холме у опушки леса мать принесла в приданое его отцу. Он любил бывать здесь, отдыхая от людей. Деревенские заботы в одиночестве успокаивали, здесь вещи обретали свое первоначальное измерение. Костер был просто костром, топор – топором, красный – цветом заката и осенних листьев. Но сегодня ему некогда было заниматься хозяйством.

Разгрузив мешки, он также легко, одной рукой обхватив поперек талии, вынул из телеги свой основной груз. Занес ее в дом и сунул в руки узелок с ужином. Обвел дом рукой, показывая, что она может здесь оставаться, сколько посчитает нужным, продемонстрировал, как запирается засов с внутренней стороны и как его надо будет закрыть с внешней, когда она соберется уходить.

Девчонка кивнула, подтверждая, что все поняла. Он развернулся и вскочил на место возницы, дернув поводья.

Работы было так много, что временами ему казалось, инквизитор сошел с ума. Сумасшедшими были все эти люди, отказывавшиеся верить собственному рассудку, ищущие происков дьявола там, где повинны человеческие глупость и злоба.

Хуже всего было то, что он тоже сходил с ума. Все чаще дни и, особенно, ночи внушали ему отвращение, работа опустошала, тяготила.

Но главное – он тосковал. Отчаянно, затаенно, как зверь. От тоски хотелось выть, на луну и не только. Вспоминая, как она прикоснулась к его губам кончиками пальцев, он готов был отдать, что угодно, только бы это повторилось. Он никогда не подозревал, что так нуждается в ласке.

Сколько уже прошло? Неделя, две, больше? Он отсчитывал дни, задаваясь вопросом: где она сейчас?

У нее никогда не было столько денег. Свобода была, а денег не было. Но свобода мало что стоит без звонких монет, а монеты без ясного происхождения. Кто поверит бродяжке, заявившейся с деньгами? Кто захочет продать ей что-нибудь и после не донесет в инквизицию?

Весь опыт ее прошлой жизни говорил, что нужно быть предельно осторожной. Уйти подальше отсюда. Деньги зарыть, спрятать в тайнике, оставить на черный день.

Довольно долгое время пределом мечтаний для нее было устроиться служанкой в какой-нибудь дом. Но бродяг и горожане, и поселяне не жаловали доверием, а когда шанс все же представился, оказалось, что единственным преимуществом служанки по сравнению с бродяжкой является прохудившаяся крыша над головой. В остальном – те же лохмотья и объедки, только за них нужно не драться, а работать

до упаду, пристаивания хозяина по ночам и злобствование хозяйки днем, часто заканчивавшиеся побоями.

И все равно, она не сбежала, хозяева сами прогнали ее, когда настали совсем уж тяжелые времена – кормить лишний рот им стало ни к чему. Возможно, и теперь, лучшим вариантом для нее было бы найти себе место в каком-нибудь доме. Например, к палачу служанкой она бы пошла с охотой. Дом на опушке ей нравился. Маленький, немного заброшенный, но чистый. Она тщательно прибралась в нем, пытаясь хоть так отблагодарить хозяина, который уехал, не оглянувшись, и больше ни разу не появлялся. Но он не смог бы взять ее в услужение, даже если бы захотел – она была живым подтверждением его преступления. А это значило, что очень скоро придется искать новое укрытие.

В конце концов, даже инквизитор умаялся в своем рвении. Безумный монах слег в лихорадке, и мысленно он искренне пожелал дьяволу прибрать к рукам кровожадную душонку. Только что толку? Пришлют нового инквизитора.

А пока у него, наконец, нашлось время, чтобы съездить в дом на опушке.

Он не надеялся, что она еще там. Просто нужно проверить, хорошо ли девчонка заперла двери, передохнуть немного от крови и аутодафе, от скользких теней, собирающихся в сумерках у его дома, твердил он себе всю дорогу, украдкой посматривая по сторонам – мало ли, вдруг кто ша-

тается по округе?

Никого. На дверях засов, это он сразу разглядел, еще издали.

Что разглядел не сразу, так это женскую фигуру, торопливо шагающую от подножья холма, на ходу вытирая о подол мокрые руки. Она узнала его, понял он, когда девушка вдруг просияла лицом и побежала.

Запыхавшись, с разбега она подбежала к нему и повисла всем телом, крепко обхватив руками за шею. Он стоял, огорошенный ее появлением и поведением, не решаясь к ней прикоснуться в ответ.

Господь свидетель, она была по-настоящему рада. Он тоже был рад ее видеть, просто не умел так открыто показывать свои чувства.

Она потянула его в дом, хлопотала, суетилась вокруг него, а он, наблюдая за ее хлопотами, чувствовал себя неуклюжим, неожиданным гостем в собственном доме.

Он пришел, наконец-то! Она уж и не ждала. Точнее ждала, но почти не верила, что увидит его до своего ухода. Уходить ей совсем не хотелось, но и подвергать хозяина дома лишней опасности своим присутствием здесь тоже не дело.

В доме было прибрано, но, как назло, обеда она сегодня не готовила. Еда была вчерашней, чтобы разогреть ее, она быстро раздула тлеющие угли в очаге и сунула туда горшок. Она торопилась и перепачкала ладонь сажей.

Стирая сажу передником, начала говорить. Нервничала, но считала своим долгом рассказать ему, сколько и чего она расходовала, что делала с его имуществом.

В доме стало уютнее, постель аккуратно застелена, пол выскоблен.

Маленькая ведьма за прошедшие недели изменилась, слегка поправилась, исчезли круги под глазами и ссадина на скуле. «След от кнута и синяки на теле уже тоже должны были сойти», – подумал он.

Ее очень красили чистые волосы. Лицо в их ореоле становилось почти хорошеньким. Сейчас она выглядела как обычная молодая девушка, только глаза немного настороженные, как у собаки, которую долго били, а потом подозвали приласкать – и хочется верить в хозяйскую доброту, да память о побоях слишком свежа.

Но, если она и боялась, то не его. Все ее существо излучало нечаянную радость и застенчивую благодарность, искавшую выхода. Она что-то говорила, показывая на мешки с провизией, которые он ей оставил, но ему было неинтересно вслушиваться в слова. Втихомолку он нежился в звуках ее голоса, чуть более низкого и хрипловатого, чем это пристало девушке.

Она поставила перед ним дымящуюся миску, протерла передником и подала ложку. Сама уселась рядом, положив лок-

ти на стол и подперев ладонями щеки. Вот если бы заранее знать, что он придет... а то ведь готовила для себя, особо не стараясь. Как никогда раньше сейчас ей было жаль, что не умела хорошо стряпать.

Когда девушка уселась за стол, то выглядела почти испуганной. Брови приподнялись домиком, пальцы рук, на которые она оперлась подбородком, нервно потянулись ко рту. Она вся застыла в ожидании, пока он подносил первую ложку к губам.

Суп оказался очень горячим, он обжегся, но не подал виду, не хотел ее расстраивать. Продолжил есть, а она, успокоившись, принялась его разглядывать.

Взгляд у нее был... пытливый, глубокий, но теплый, таким иногда мамыши смотрят на своих отпрысков, гадая, кем вырастет карапуз. Когда она не боялась, вполне сошла бы за ведьму, было в ней что-то диковатое, в глазах проглядывал ум, решительность. Пожалуй, он зря волновался, с деньгами такая неглупая девушка не даст себя в обиду.

В этот раз он был в обычной рубашке, не красной, потому-то глядя с подножья холма, где у ручья стирала белье, она не сразу поняла, кто приехал, и на всякий случай, поднималась к дому, прячась за кустами, растущими вдоль тропинки.

«Он очень сильный», – подумала она, вспомнив, как легко палач поднимал ее. Еще бы, тщедушных на такую рабо-

ту не берут. Широкие плечи, массивная шея, руки большие, но даже на вид не грубые. Глядя, как эти руки разламывают хлеб, держат ложку, она поразилась отточенной скупости и неуловимой плавности его движений. Замирая, он казался грубым, даже тяжелым, но двигался удивительно мягко и легко. А еще эти руки говорили о навязчивой потребности в чистоте – под короткими ногтями не было грязи. Одежда тоже была чистая, и в этот раз от него ничем неприятным не пахло.

Она могла только гадать, все ли палачи бреют головы и почему. На публике заплечных дел мастера появлялись обычно уже в колпаке, закрывающем все, кроме глаз. Бритая голова его не уродовала, лишь заостряла внимание на тяжеловатых чертах лица и внимательных, невеселых глазах одиночки. Веки были чуть припухшие от недосыпа, под глазами залегали тени.

Он ей нравился. Рядом с ним становилось уютно, спокойно. И после того, что он сделал для нее, она не колеблясь, шагнула бы в огонь по первому его слову. Потому, что никто и никогда раньше ничего для нее не делал, и потому, что именно от огня он ее спас.

Раньше ей приходилось отдавать свое тело в обмен на еду, не говоря уже о том, что случилось в тюрьме. Но теперь, глядя, как он, ссутулившись за низким столом, ест еестряпню, изредка одаривая ее взглядом своих странных глаз, она впервые задумалась: как это могло бы быть именно с этим муж-

чиной? Не за корочку хлеба, не связанной и удерживаемой насильно, а из благодарности и потому, что ей самой этого захотелось.

Он не был женат – ни в этом, ни в городском доме не ощущалось присутствия женщины. Ей хотелось спросить, почему, но он едва ли смог бы ответить.

Маленькая ведьма приняла какое-то решение, он видел это по глазам, по тому, насколько свободнее, расслабленнее стало положение тела. Судя по пристальному, обращенному на него взгляду, к нему это имело непосредственное отношение. Было любопытно, что такого она придумала. Он был уверен, что, так или иначе, скоро узнает, в чем дело, выпытывать не придется.

Действительно, едва миска опустела, как она, краснея, потянула его за руку вглубь комнаты, к постели. Вот значит как, решила его отблагодарить...

Он хотел быть с ней, томился все это время, но если сейчас возьмет ее, то чем он лучше тех насильников в тюрьме? От них спасал, чтобы самому пользоваться? Он остановился, мягко высвободив руку.

Она обернулась, с горящими щеками посмотрев на него. В глазах маленькой ведьмы он прочел просьбу о помощи. Это было нужно ей даже больше чем ему. Чтобы не бояться, чтобы не думать о том, что происходит между мужчиной и женщиной, как о грязи, чтобы забыть случившееся в тюрьме.

Теперь он знал, как поступить правильно. Шагнул к ней и обнял, гладил по голове и по спине. Она прижалась лицом к его рубаше, прильнула доверчиво и с облегчением.

Если бы он мог сказать ей что-нибудь, объяснить, утешить...

Она слегка отстранилась, развязывая сначала передник, а потом ворот платья. Серьезная, сосредоточенная. Повела худенькими плечами, освобождаясь от одежды, и подняла глаза к его лицу.

И все же ей было немного страшно.

Он поднял ее на руки, за пару шагов отнес и усадил на край постели. Сам опустил колени на пол рядом, мягко взял ее руку в свои. Поцеловал ладошку, внутреннюю сторону запястья, сгиб локтя.

Он был очень ласков и никуда не спешил. Пальцами и ладонями нежно, едва касаясь, проводил по шее, плечам, рукам, спине, груди, вызывая истому и странное оцепенение. Потом так же нежно уложил ее спиной на постель и принялся целовать живот. Она судорожно вздохнула, мышцы внутри непроизвольно сжимались, делая непривычное удовольствие почти невыносимым, на грани боли. Кажется, он понял, потому что, остановившись, на несколько мгновений накрыл ладонью ее лоно, а потом она почувствовала, как его руки гладят и согревают ступни.

По привычке, она ходила босиком и сейчас пристыжен-

но дернулась, однако мужские руки не выпустили ее лодыжку. Поцелуи и ладони поднялись к коленям, и она послушно развела ноги. Едва заметными покалываниями ощутила прикосновение его щеки к внутренней стороне бедер, когда он целовал ее. Он поцеловал даже там, между ног. Это было очень странно и невыносимо приятно.

Он целовал и гладил каждый клочок ее кожи, движениями своих рук и губ будто смывая боль и грязь, впитанные памятью тела. Своими прикосновениями делал с ней что-то невероятное, заставлял все внутри вибрировать и замирать от наслаждения.

По долгу своей профессии он знал многие секреты человеческого тела и сейчас использовал их во благо. Играл на чувствительных точках там и здесь, побуждая расслабиться, успокоиться, наслаждаться. Терпеливо, раз за разом, давая ей привыкнуть к прикосновениям, будил в девичьем теле желание. Сначала мышцы испуганно сжимались, но затем, в очередной раз скользнув пальцами ко входу в ее тело, он почувствовал влагу. Осторожно проник чуть глубже, и сразу ощутил, как сократились вокруг него мышцы, руки вцепились в рубаху на его плечах.

Ее ошеломили непонятно как появившаяся тягучая жидкость и прикосновения его пальцев внутри. Обычной боли не было, но привычный страх перед болью оставался. Пере-

силивая страх, она сжала пальцы, сминая ткань его рубахи, не отпуская от себя. Он не покинул ее тело, как она боялась, вместо этого раздвинул складки и приник губами. Опять стало невыносимо приятно, под его губами и пальцами все жарко пульсировало, требуя еще больше ласк, еще больше прикосновений.

Он видел, она была уже на грани, поэтому продолжил движение, погружаясь все глубже в ее лоно. Касался ее в глубине, осторожно поворачивая пальцы, меняя угол наклона, проверяя, не повредили ли ей что-нибудь эти подонки в тюрьме. Сопротивления больше не было, а, значит, и боли тоже. Еще несколько движений, и тело свела судорога наслаждения.

Что-то невообразимое, неведомое поднималось в ней, затмевая сознание, выше... выше... Взрыв удовольствия судорогой свел мышцы, лишив сил, стыда, разума. Полное опустошение. Энергии не осталось даже для того, чтобы не закрывать веки и, с блаженно-виноватой слабой улыбкой взглянув на мужчину, подарившего ей это состояние, она провалилась в небытие.

Дрожь стихла, отголосками несколько раз прокатившись по ее худенькому телу, обессиленные руки разжались и выпустили его рубаху. Маленькая ведьма еще несколько раз

прерывисто вздохнула, губы дрогнули в слабой попытке улыбнуться, веки опустились. Мгновением позже, она уже спала глубоким, спокойным сном.

Он устроил ее поудобнее на постели, надежно укрыл одеялом. Стоял и смотрел, как она спит, не справляясь с нахлынувшей нежностью.

Он никогда не был таким с женщиной. Не знал, как быть таким. Шлюхи, с которыми он обычно имел дело, его боялись, а он стеснялся их в глубине души. Почему, откуда взялась эта нежность? Даже мать не была с ним ласковой, насколько он помнил. Она умерла, рожая еще одного сына Палача, младенец, правда, тоже не выжил. А вот теперь, он, забыв о собственном удовольствии, наслаждался тем, что подарил его девчонке, худой, некрасивой, нищей. И готов был отдать ей еще больше, все, что имел, включая собственную жизнь.

Она ровно дышала чуть приоткрытым ртом, прядка волос, упавшая поперек лица, трепетала от каждого ее вдоха и выдоха. Он бережно отвел волосы от ее лица, повернулся и вышел, тихо прикрыв входную дверь.

Спустился к ручью у подножья холма и выкупался в ледяной воде, гася собственное, так и не удовлетворенное возбуждение, потом поднялся обратно наверх, захватив оставленную ей у ручья стирку. Солнце уже коснулось горизонта, времени у него не осталось. Пора было возвращаться в привычную реальность.

Она проснулась в темноте, накрытая одеялом, голая. Внутри нее все еще продолжалась слабая вибрация, напоминающая о пережитом самом ярком наслаждении в жизни.

Она поняла, что он уже ушел. Поняла как-то сразу, и губы задрожали. Он был нужен ей сейчас. Хотелось гладить и целовать его тело, довести до экстаза так же, как он сделал это с ней. Но его уже не было рядом, и от этого в теле образовалась почти физическая, тянущая пустота. Дожить до завтра, завтра он придет снова, и все будет иначе...

Он пытался отвлечься от мыслей о ней, от воспоминаний о ее улыбке, теле, движениях и сосредоточиться на том, как спасти девушку, где обустроить. Но мысли о ней навязчиво лезли в голову, а сложные раздумья о том, что же делать, улетучивались быстро и пока безрезультатно. А ведь то, что она до сих пор оставалась в доме на опушке, свидетельствовало, что идти маленькой ведьме некуда.

Ему хотелось защитить ее. Заслонить собой от обезумевшего мира вокруг. Ласкать, целовать, лелеять. Пусть она будет только его. Другие люди плохо к ней относились. Как, впрочем, и к нему. Но он был Палач, он пугал их и причинял боль. А она была чудом, хрупким, тоненьким чудом. Люди не понимают и боятся чудес. Своего Бога они распяли и лишь затем поверили ему.

Завтра он не пришел. И на следующий день тоже. И в день, последовавший за следующим.

Она не могла уйти и боялась остаться. Не знала, что думать. А его все не было и не было.

Он был так нужен ей. Настолько, что хотелось кричать, звать, бежать к нему. Сейчас, немедленно. Босые ноги зудели от желания шагнуть за порог так, что приходилось вонзать короткие обгрызенные ногти в ладони, чтобы удержаться.

А его все не было.

Ее силы, ее уверенность, ее жажда таяли, сменяясь самым страшным страхом с младенчества предоставленного самому себе существа. Вдруг она стала ему противна – сонная дурочка с запыленными ступнями? Вдруг с его стороны это была просто жалость? Ведь, если бы он испытывал желание, то остался бы и удовлетворил его с ней. Или вернулся бы и удовлетворил.

От этих мыслей, от колючих как терн вопросов, роившихся в голове, она чувствовала себя ничтожной и ненужной, так же как большую часть своей жизни, только теперь это причиняло новую, неожиданно сильную боль. Ну зачем он спас ее? Зачем, если не приходит?! Уж лучше бы не спасал тогда, лучше бы не привозил сюда, лучше бы прогнал прочь, чем так... уйти без единого слова.

Все изменилось за одну ночь. В город прибыл новый инквизитор и пара палачей. Если в глазах старого инквизи-

тора огонь бескорыстного служебного рвения с годами по-
утих, щедро заливаемый вздоимством, то глаза нового горели
чистым огнем фанатичной веры. Молодой пес Господень
сцепился со старым, схватка длилась недолго. Дыба, воронка,
сапог, раскаленные прутья – все пошло в ход, и на сей
раз Палач на совесть выполнил свою работу, проследив, что-
бы осужденный продолжал дышать как можно дольше, пока
дым и пламя не окутали истошно вопящую фигуру в изма-
занном дегтем саване.

Теперь допросы и пытки продолжались непрерывно, в две
смены, от заката до рассвета и от рассвета до заката. Допро-
сили всех, кто был близок к старому инквизитору – мона-
хов-помощников, послушников, начальника тюрьмы и стра-
жу. Допросили и Палача, хотя все, что он мог ответить –
качать головой отрицательно либо утвердительно. Но Палач
еще был нужен, к тому же успел хорошо себя зарекомендо-
вать, не щадя своего прежнего начальства.

Новый инквизитор боролся с ересями в самом зародыше,
вычисляя присутствие сатаны по взгляду испытуемого. Ни-
когда еще в городе не была так популярна привычка смотре-
ть себе под ноги. О том, чтобы глазеть по сторонам, шеп-
таться, собираться или ходить куда-то без крайней необхо-
димости и речи не шло. Но доносить друг на друга от этого
меньше не стали.

Каждый раз, выходя из дому, Палач стирал ее образ из
глаз, память о ней из уголков губ и борозды между бровями.

И не только потому, что новый инквизитор якобы умел читать по взгляду – он просто не мог допустить, чтобы грязь и боль пыточной снова коснулись ее, пусть даже мысленно.

Но на обратном пути и дома, потирая запавшие от бессонной усталости глаза, он искал выход. Мысли метались, словно загнанный в клетку зверь, раз за разом ударяясь о прутья многочисленных ограничений. Он не мог никуда отлучиться, не вызывая подозрений, не мог никому довериться, перепоручить позаботиться о девушке, увезти. К тому же он был нем, а она не знала грамоты. Даже если она еще ждет его, даже если он придумает, куда ее отправить, чтобы маленькая ведьма была в безопасности, как он сможет объяснить ей свои намерения и планы?

У них не было права на ошибку, не было и времени. И плана тоже все еще не было.

Ей казалось – еще день ожидания и она распадется на кусочки. Собственно, она уже распадалась – каждое долгое мгновение разъедало ее и без того хрупкую веру в чудо взаимности, нежности и доверия. Ей начинало казаться, что это был всего лишь сон. Быть может, она, уставшая, заснула после обеда. А на самом деле он не приходил, не сидел за столом, не относил ее в постель на руках, не...

Она пыталась бороться за свое чудо.

– Мне не приснилось! – гневно бросала она в плотно сомкнутые ряды врагов – неверия, страха, горького опыта про-

житых лет. А эхо сомнений, умноженных временем, приносило обратно затухающее «приснилось... снилось... ссь» – змеиный шепот в ночи.

Не оставалось ни сил, ни времени выносить пытку неизвестностью. Пора было уходить, давно пора. Собрать дарованные ей вещи и деньги, повернуться спиной к домику на опушке и зашагать прочь, унося на сердце глубокую рану несбывшейся возможности счастья, которое судьба вырвала у нее, как у голодной нищенки вырывают случайно пойманный на раздаче милостыни ломоть хлеба, надкушенный лишь раз – достаточно, чтобы ощутить вкус, и безнадежно мало, чтобы насытиться.

Да она и была голодной нищенкой, всю свою жизнь боровшейся за каждый кусок хлеба, за каждый лишний прожитый день. И потому не могла сдаться, не могла не попытаться, пусть глупо, эгоистично, безрассудно... Ноги сами понесли ее назад, в город.

В последнее время у дома Палача теней собиралось все меньше. С одной стороны – оно и к лучшему, с другой – дойдя до крайности в невозможности найти решение, он все чаще задумывался о том, чтобы попросить о помощи кого-то из отчаявшихся родственников арестованных. Услуга за услугу. Риск за риск. Жизнь за жизнь. О том, что будет с ним, он не думал. Три спасенные жизни – слушком большая роскошь в такие времена.

У ворот от стены отделилась закутанная в плащ не по росту фигура. Женщина.

Что-то знакомое в ней почудилось еще до того, как в расветном полумраке он узнал свой плащ. В следующее мгновение волна страха, скрутив желудок, ударила в сердце.

Не раздумывая, он втолкнул маленькую ведьму в ворота и туда же загнал телегу. Украдкой оглядел улицу, перед тем, как запереть ворота и почти волоком втащить запутавшуюся в складках плаща, не поспевающую за ним девушку в дом. Развязавшийся плащ сполз с ее плеч у самой двери, и ему пришлось на мгновение вернуться за порог, чтобы подобрать одеяние, перед тем как сойтись с маленькой ведьмой лицом к лицу.

«Зачем пришла?!» – гневно-испуганным криком застыло в его глазах. Ее ведь могли заметить, схватить. В инквизиции у всех была очень хорошая, натренированная годами память на лица.

– Почему ты не приходил так долго?! – сердито выкрикнула она.

Он раздраженно фыркнул, она вскинула голову, рассерженные взгляды встретились... и гнев куда-то испарился, оставив лишь неутоленную тоску двух душ и тел. Он наклонил голову и поцеловал ее жадно, глубоко, отбросив осторожность. «Моя!» – кричал этот поцелуй.

И она, отвечая, обнимала его все крепче, маня к себе, в се-

бя. Отступая под его натиском, уперлась поясницей в ребро столешницы, почувствовала, как его руки приподняли ее, и с готовностью раздвинула бедра, устроившись на краю стола.

«Моя!» – он целовал ее, будто ставил отметины – на губах, шее, ключицах, груди. Ворвался в девичье тело, не сдерживаясь, чувствуя, как приподнялись навстречу ее бедра, как руки крепко обхватили его плечи.

Она счастливо задохнулась, ощутив в себе горячую, пульсирующую силу его желания. «Мой» – подтверждал каждый новый толчок. В этот раз для нее острее всего была потребность убедиться – случившееся в домике на опушке было не из жалости, она желанна и нужна ему так же, как он ей.

Соитие было быстрым и бурным. Он излился в глубины ее лона и ошеломленно замер, пытаясь отдышаться и стыдясь, что так набросился, что не успел довести девушку до разрядки. Но маленькая ведьма, казалось, ничуть не расстроилась. Ее темные глаза светились женским лукавством и торжеством, будто она получила именно то, что хотела. Она погладила ладонями его плечи и улыбнулась дразнящей, многообещающей улыбкой.

В его глазах отражалось так много всего... вопросов, чувств, слов. Странно, от того, что он не мог говорить, рядом

с ним она чувствовала себя намного свободнее, чем с другими. Поначалу, жалость с благодарностью делали ее скованной и неловкой, но теперь она более-менее научилась читать по его глазам и жестам, и находила этот безмолвный диалог все более захватывающим.

Вот и сейчас, она поняла, что это еще не конец до того, как он легко подхватил ее на руки и понес на второй этаж, в уже знакомую кровать.

На этой кровати он любил ее долго и нежно, заставляя тихонько вскрикивать, принимая ее ответные, не очень умелые, но искренние ласки.

Она отдала ему все, ни частички себя не оставив на черный день расставания, про запас.

– Теперь я никуда не уйду, – сказала она, сидя обнаженная на постели, обхватив руками колени и положив на них голову. Ее закрытого прядями распущенных волос лица он не видел, видел только согнутую худенькую спину с обтянутыми смуглой кожей позвонками и лопатками.

Эта трогательная беззащитная спина выражала то же, что и ее голос – полное, безоговорочное принятие свершившегося поворота судьбы, понимание, что проще и легче не будет. Будет – какая угодно и едва ли радужная, но отныне неразделимая, одна судьба на двоих.

Он приподнялся и придвинулся к ней, целуя позвонок за позвонком, выступающую лопатку, плечо.

Его маленькая ведьма со вздохом откинулась назад, положив затылок ему на грудь. Он обнял ее и замер, понимая, что надо идти, что он опаздывает, что опоздания неизменно порождают вопросы.

Ей было так хорошо и спокойно в его руках. Впервые она узнала, что умирать без страха можно не только в отчаянии. Умереть без страха, счастливой можно, познав великое таинство слияния двух душ и тел.

* Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.